

**ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА
СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В «СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ТЕТРАДИ» С.И.ЕФРЕМОВА**

Зайнуллина Г.И., кандидат искусствоведения

**MILITARY-PATRIOTIC DOMINANCE OF THE SEVASTOPOL
TEXT OF RUSSIAN LITERATURE IN S.I.EFREMOV'S
«SEVASTOPOL NOTEBOOK»**

Zainullina G.I.

Художественный образ г. Севастополь складывался под воздействием многих факторов. Писателей начала XIX в. сюда влекли памятники античной культуры, в особенности Херсонес, представлявший также паломнический интерес как место крещения Владимира Святославича. «Середина и окончание XIX в. в связи с прокатившейся здесь Крымской войной стали временем господства военно-патриотической темы»¹. Признанным новатором в описании войны в русской литературе, основанном именно на участии в обороне Севастополя, стал Л. Толстой, который сделал свои художественные открытия в «Севастопольских рассказах» – цикле из трех рассказов: «Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае», «Севастополь в августе 1855 года». В них рассказывается о кульминационном эпизоде Крымской войны – блокаде Севастополя превосходящими силами англо-франко-турецкой коалиции, которая продолжалась с осени 1854

по август 1855 г. Рубеж XIX–XX вв. дополнил образ Севастополя темами курортной и революционной благодаря произведениям литераторов Серебряного века: А. Аверченко, А. Грина, А. Куприна, А. Ахматовой, М. Горького, В. Маяковского.

«Великая Отечественная война окончательно закрепила военно-патриотическую доминанту «севастопольского текста» русской литературы»², в том числе благодаря Сергею Ивановичу Ефремову, автору сборника новелл «Севастопольская тетрадь», изданному в ТКИ в 1967 г. Он переосмыслил художественные открытия Л. Толстого на материале боевых действий советских и немецко-румынских войск в Крыму в ходе Великой Отечественной войны, происходивших с октября 1941 г. по июль 1942 г.

Для С. Ефремова война, как и для Л. Толстого, является «завораживающим зрелищем»³. Таково, например, описание горящего Севастополя: «Издали видели мы золотые терема

горящих зданий, от которых тянуло тяжким зноем. Въехали в первую улицу, как в гудящий огненный коридор. За этим гулом, за грохотом балок и треском огня уже не слышно самолетов и рвущихся бомб. В небо взлетали тучи горящих искр и хлопьев, похожих на красных птиц. Потом весь этот огненный рой сыпался вниз. Вероятно, подобное происходило в последний день Помпеи. Но там была паника, вопли, бежали, спасаясь, люди. А тут – мертво. Гудел огонь. С треском вылетали стекла, и хлестало из окон пламя»⁴. Отсылка к Помпее, которую делает С. Ефремов, наряду с другими упоминаниями эпохи античности создает в «Севастопольской тетради» мифопоэтическое пространство, имеющее вневременное измерение, в котором персонажи становятся продолжателями героических деяний древности.

Если в «Севастопольских рассказах» картины человеческих страданий на фоне бесстрастной и величественной природы оттеняют трагический характер развязанной людьми войны»⁵, то С. Ефремов использует описание чудом сохранившейся в аду войны первозданной природы для создания мифопоэтического пространства: она одушевлена и осмысленно, вместе с советскими воинами сопротивляется врагу: «Земля была буквально перепахана бомбами. На земле сгорало все, что могло еще гореть. Лишь дубки, удивительные горные дубки не сдавались. Опаленные, черные и посеженные, как тонкие переломанные руки, поднятые к небу. Как руки

самой земли»⁶. В новелле «Подснежники» повествователь дивится: «Воронки, обгорелые кусты, расщепленные бревна. И вдруг – подснежники – дико»⁷. Когда за цветами отправляется санинструктор Шура Березина и подрывается на немецкой противопехотной мине, бойцы ставят подснежники в пэтээровскую гильзу с водой и наблюдают, как они оживают, мысленно сопрягая этот процесс с выздоровлением девушки.

Наиболее ярко этот мотив – солидарности природы с правой стороной и ее осознанным противостоянием захватчикам – звучит в новелле «Дерево Эллады». Деревом Эллады и «чистокровным принцем» бойцы называют кипарис, стоящий на правом фланге оборонительной линии: он «суматошно взмахивал ветвями в небе и шумел, цедя сквозь густую лапчатую хвою ветер». Наутро мимо принца-кипариса двинулись в атаку танки фашистов: двое бойцов погибли, шестеро были ранены. Кипарис тоже погиб. Он упал, «как солдат безрукий: ветви осколками поотрывало»⁸.

Таким образом, в «Севастопольской тетради» Ефремов заостряет внимание на одушевленности природы, сознании, разлитом в ней: «Складывалось ощущение, что стреляла сама земля, камни, развалины дзотов, засыпанные траншеи, – стреляла спаленными изломанными руками дубков»⁹. Души предков тоже участвуют в обороне Севастополя, их незримое присутствие ощутимо: «Отовсюду – из воронок, из развалин, смотрели в упор темные укорящие глаза, такие, как на иконах суздальского письма»¹⁰.

В отличие от первопроходческой откровенности Л. Толстого, который вставляет в текст «Севастопольских рассказов» ужасающие подробности: перевязочный пункт, где царят «тяжелый, густой, вонючий смрад»¹¹; «перебитый в груди труп с огромной раздувшейся головой, почернелым глянцевитым лицом и вывернутыми зрачками»¹²; доктора, занятые «отвратительным, но благодетельным делом ампутаций», «кривой нож, входящий в белое здоровое тело»¹³, – С. Ефремов избегает натурализма и описывает смерть скупой, не смакуя подробности. Потому что защитники Севастополя для него, преодолев свою физическую природу, стали памятниками своему героизму еще при жизни: на них обрушивалось столько бомб и снарядов, что на каждого в сутки приходилось около двух пудов крупноповской стали – «за неделю из одного металлолома каждому вполне можно персональный пятнадцатипудовый памятник сварганить»¹⁴.

Если С. Ефремов и касается физической уязвимости бойцов, то описывает смерть и ранения в поэтике мужественного умолчания: «... в живых застали одного майора. Лежал он, засыпанный пылью, и рядом лежали его ноги»¹⁵; «... я тащу в укрытие лейтенанта Шмелева – тащу, хотя укрытие уже ни к чему: на горле у того рваная рана, и какой-то жуткий насос выкачивает кровь на грудь. Отпускаю в окопчик теплое и безвольно податливое тело»¹⁶; «Со скалы у мыса Фиолента сброшен моряк. Он падал вниз горящим факелом. Вероятно, был облит бензином. Столкнули моряка штыками»¹⁷.

Персонажи «Севастопольской тетради» монументально цельны. Поэтому С. Ефремов не ставит перед собой, как Л. Толстой в «Севастопольских рассказах», задачу выявить «сочетание храбрости и трусости, тщеславия и истинного патриотизма в одной и той же грешной душе»¹⁸, следовательно, С. Ефремову не требуется воспроизведение потока обрывочных мыслей, чувств и ощущений, неуловимо перетекающих друг в друга. Во-первых, на «вечные побуждения лжи, тщеславия и легкомыслия»¹⁹ у героев «Севастопольской тетради» не остается ни сил, ни времени из-за обилия трудоемких хлопотных заданий: «... подземные убежища, дивизионные КП... ни сна, ни отдыха, ни славы»²⁰. Во-вторых, повествователь находится в едином измерении с персонажами и может передавать их смятенное состояние души лишь по косвенным признакам. Например, когда у Павла Кулешова «на душе скребут кошки, он в первую очередь стремится чем-то занять свои руки»²¹. В-третьих, искренние осознанные высказывания персонажей тут же претворяются в самоотверженные благородные поступки, и подозревать за ними «клубок противочувствий» у повествователя нет оснований.

Так, при нападении немцев на землянку раненые, способные держать оружие, отбивались, пока не кончились боеприпасы. Потом, набросив на санинструктура Шуру Березину шинели, закрыли ее своими спинами²². В новелле «Странные люди» сама Шура, будучи раненной, наотрез отказывается от

эвакуации: «Будь что будет. Чем я лучше других?»²³ – несмотря на то, что положение безнадежно: от роты осталось 8 человек из 84, Манштейн готовится поднять в воздух шестьсот самолетов, раненые лежат повсюду – в окопчиках, в развалинах укреплений, в глубоких воронках, их не успевают эвакуировать. Упрямый санинструктор отказывается от эвакуации, даже когда товарищам удается договориться о ее посадке на самолет вместе с возлюбленным, раненым лейтенантом Кулешовым. Эти хлопоты также мотивированы невероятным благородством: «В конце концов хоть кто-то из нас должен иметь право на жизнь и счастье»²⁴.

Замечателен другой эпизод этой новеллы, описывающей спор покалеченных бойцов: «Матерились они ожесточенно, размахивая костылями. Спор у них шел о порядке погрузки: кого следовало эвакуировать в первую очередь, безруких или безногих. Мотивировался он вовсе не шкурными соображениями, а целесообразностью с точки зрения обороны. «Безногому запросто уложить целую роту», – кричал безрукий. «А где маневренность? Человек не пресмыкающееся», – возражал безногий»²⁵.

Исходя из монументальной цельности персонажей, С. Ефремов в «Севастопольской тетради» не дает их развернутых портретов, в отличие от Л. Толстого в «Севастопольских рассказах», где описание телосложения, черт лица, одежды порой достигает абзаца.

Для Ефремова персонажи его новелл сродни легендарным героям античности, а потому их физическая

природа неуловима. Принципиальность такого подхода ярко видна в новелле «Бумажные бинты», в которой повествователь пишет характеристику на лейтенанта Кулешова. Вопреки знанию о храбрости этого офицера, который, «впервые столкнувшись в бою с неприятелем, не растерялся и дал отпор, которому позавидовать мог бы любой из окончивших военную школу», характеристика не клеится. Потому что Кулешов «характерен отсутствием чего-либо характерного: рост обычный, способности средние, голос не громкий и не тихий, глаза не голубые и не карие, волосы – неуловимого цвета»²⁶.

Не представлена и внешность Шуры Березиной, явно привлекательной внешне. Ее облик едва намечен второстепенными деталями: большой красный крест на санитарной сумке; «угрожающе торчавшие в петличках зубья старшинской пилы»²⁷; «госпитальный запах»²⁸; батистовая кофточка вместо гимнастерки (по случаю дня рождения Кулешова в новелле «Подснежники», причем цвет кофточки не указан); простая, как у всех, мужская нательная рубаша, только намного чище солдатских (Шура рвет ее на бинты в новелле «Последний патрон»). В итоге возникает ощущение, что Березина бесплотна, как ангел.

Достаточно подробно в «Севастопольской тетради» описан внешний облик лейтенанта Кулешова и центрального героя последней новеллы «На худой конец» – ефрейтора Еременко. С. Ефремов делает это в рамках использования приема двойного изображения, открытого в «Севасто-

польских рассказах» Л. Толстым: «один и того же характер в опошляющих условиях обыденности и в экстремальных обстоятельствах»²⁹. Особенно яркий контраст достигается в образе ефрейтора Еременко. Это «не первой молодости сухощавый человек, растерянный от навалившейся на него ответственности» – он стал командиром первого расчета тыловой АЭС, питающей штаб, хотя прошел всего «три класса первой ступени да коридор»³⁰. У него «узкое худое лицо. От губ и глаз – лучиками тонкие морщинки. С годами накладываются их забота и беспокойство»³¹. Еременко в общении со старшими по званию проявляет излишнее солдатское усердие в повторении «будет сполнено», «есть».

Если поначалу повествователь видит в Еременко врожденную апатию и отсутствие технических знаний, необходимых для ведения современной войны, то затем буквально обожествляет его: Еременко светился, «как Иисус Христос на вознесении»³², когда чинил воздушку под напряжением шесть тысяч вольт – рассеченный провод высоковольтной линии, питающий штаб. Светился, потому что шел дождь, и капли дождя вспыхивали поверх резиновых перчаток и комбинезона искрами. В это время несколько десятков «юнkersов» сбрасывали бомбы, «все живое вжималось в щели, в землю, в укрытия»³³.

Повествователь задумывается: «Я знаю, за то, что он совершил, его даже к медали не представят. Но почему-то именно совершенное им заставляет меня спрашивать самого

себя: “А смог бы ты сделать так же? Не пожертвовать собой – жертвовать проще. А вот именно сделать, выполнить? Я твердо знал: это был не только труд, было и то, о чем не принято напоминать...”»³⁴.

Что же это такое, «о чем не принято напоминать»? Герои Ефремова ничего не говорят о патриотизме, любви к Родине и уж тем более к Сталину и Коммунистической партии, даже определение «советский» в новеллах ни разу не встречается. Не случайно у повествователя не клеилась характеристика на Кулешова: на чиновничье-канцелярских оборотах «предан», «дисциплинирован» его заносило, «как машину к обрыву на крутых инкерманских серпантинах»³⁵.

Между тем Л. Толстой в «Севастопольских рассказах» отчетливо заявляет тему патриотизма как в авторской речи, так и в потоке сознания персонажей, а затем «почти любое явное проявление любви к Родине и сознательную готовность отдать за нее жизнь либо отрицает, либо разоблачает как несостоятельные ходом вещей»³⁶. Патриотизм допускается Толстым «только как очень личное и потому глубоко сокровенное чувство, публичное проявление которого недопустимо»³⁷.

С. Ефремов в этом солидарен с классиком. В новелле «Знакомое лицо» повествователь перед погребением павших товарищей предвидит пафосную речь политрука: «Мы выдержали два штурма, выдержим и третий... Севастополь – штык, направленный в бок гитлеровским армиям»; «лучше погибнуть стоя, чем жить на коленях», – и заранее

с раздражением думает о том, что воевать все больше приходится «ползком и пригнувшись»³⁸. Солидарен С. Ефремов с Л. Толстым и в том, что война абсурдна: «Логика! – ворчал Жора Черкасец. – Не война – сплошное душегубство»³⁹.

Тем не менее несомненным достоинством личности для Ефремова является твердость моральных убеждений, а не, как у Толстого, их зыбкость, в пользу готовности к развитию, переосмыслению идеалов, освобождению от навязываемой обществу моральной косности»⁴⁰. На чем же основываются твердость духа и героизм защитников Севастополя в новеллах «Севастопольской тетради»? Слава и награды в их представлении имеют относительную ценность. Так, за постройку Семёновского дота без потерь повествователь «представлен к звездочке». Но в штабе наградные бумаги берут равнодушно, не читая – «Все равно сжигать»⁴¹: Севастополь готовится к сдаче. Комментариев, слов сожаления по этому поводу нет.

Ненависть к немцам тоже не является движущей силой их поступков. В первой новелле «Убил» повествователь находит во внутреннем кармане убитого корректировщика потрепанную фотографию, ему задорно в глаза смотрит «бедовая девятилетняя девочка», и он думает: «Уж очень девчонка похожа на русскую»⁴². Во второй новелле «Соломенные валенки», комбат добродушно встречает в блиндаже взятого в плен языка: «Садись, фриц, с благополучным прибытием». С добродушной усмешкой описывает

этого пленного и повествователь: «Длинная, балахоном, шинель и полуметровые соломенные валенки»⁴³. В новелле «Бумажные бинты» лейтенант Кулешов после ночного боя вернулся перевязанный немецкими бумажными бинтами; это грозит ему серьезными неприятностями, от которых спасают свидетельские показания военврача Незнамова о наличии в части трофейных бинтов, тем не менее Кулешов отчетливо помнит: «Подполз кто-то ко мне в темноте и бормочет по-немецки»⁴⁴.

Исторический военный конфликт вообще не заявляется в плоскости «свои – чужие», «русские – немцы», «советские – фашисты». Потому что никаких «своих» нет, защитники Севастополя брошены на произвол судьбы: «Утром слушали Москву. Передали: “Севастополь оставлен... Войска эвакуированы”»⁴⁵. В новелле «Последний патрон» оборона Севастополя выводится на уровень извечного противостояния Добра и inferнального Зла: «На шоссе появилась серо-зеленая колонна. Вверху над нею знамя, красное, с перечеркнутым свастикой белым кругом. Над смутными лицами врагов черный паук намертво зажал диск солнца»⁴⁶. У защитников Севастополя остается один пулемет и при нем последний диск, и последней отчаянно длинной очередью, они ударяют не по живой силе, а по черному пауку, добиваясь того, чтобы знамя упало.

Скорее всего, твердость моральных убеждений героев «Севастопольской тетради» Ефремова питает аристократизм духа, осознание себя наследниками всех духовных

богатств, которые выработало человечество. Хотя все они потомки бесправных крестьян, о которых толстовский князь Гальцин уничтожительно говорит: «Вот этого я не понимаю и, признаюсь, не могу верить, чтобы люди в грязном белье, во вшах и с неумытыми руками могли бы быть храбры»⁴⁷. В 1941–1942 гг. Севастополь обороняют гуманитарно и технически высокообразованные люди – они следят за гигиеной, играют на музыкальных инструментах, красиво ухаживают за женщинами, в горячке боя восстанавливают школьные знания немецкого языка: «Фербант – совершенная форма глагола гореть»⁴⁸. Неумна их тяга к изобретательству, усовершенствованию оружия: в новелле «Зеленые поляны» упомянуты катапульта для гранаты Ф-1 и взрыватель-сюрприз из дюралевой обшивки «Юнкерса», с «ферромагнитными деталями, чтобы не обнаружил миноискатель»⁴⁹. Большое значение для них имеет русская и мировая литература, в разговорах упоминают произведения Бальзака, Гомера. Неудивительно, ведь в действующую Красную армию поступает литературная классика в брошюрах: Пушкин, Лермонтов, Толстой, Тургенев. Сердце повествователя замирает «от чеканного ритма и бронзового звучания»⁵⁰ поэмы «Медный всадник». А когда он занимается описанием минного поля на карте, его голову «цепкими лапами сжимает сон»⁵¹, думает об авторстве строки «Недосыпая, недолбя, и молодость прошла...» – Багрицкого она или Асеева.

Дисциплина и слаженность действий бойцов в «Севастопольской

тетради», даже в отсутствие высшего командования, основаны на их духовном родстве, а не на служебной иерархии или сознании сословного аристократизма, которые в «Севастопольских рассказах» переходят, «с одной стороны, в важничество, с другой – в скрытую зависть и досаду и вместо полезного влияния соединения масс в одно целое производят совершенно противоположное действие»⁵².

Итак, Ефремов усиливает военно-патриотическую доминанту «севастопольского текста» русской литературы следующими художественными приемами: а) созданием мифопоэтического пространства, включающего в число защитников Севастополя природу, саму древнюю крымскую землю, а также души ушедших предков; б) приданием монументальной цельности персонажам, которая доводится до обожествления одного из них в последней новелле «На худой конец», хотя хронологически ей следовало бы быть предпоследней – сдача Севастополя описывается в новелле «Последний патрон»; в) переводом геополитического конфликта на уровень извечного противостояния Добра и inferнального Зла.

Благодаря этим подходам убедительно звучит утверждение: «...общепринятые нормы к Севастополю не подходят. Здесь... особая этика, свой дух, больше того – боевая одержимость. Может быть, она сродни одержимости наших предков, сжигавших себя в скитах...»⁵³. Более того, мужество и стойкость участников обороны Севастополя превосходят

легендарный героизм античных героев. Такой вывод можно сделать исходя из впечатления, которое Херсонес оказывает на повествователя и ефрейтора Еременко: «...представлялся городом-гигантом. А в раскопках он крепость-невеличка. Может, и леген-

дарная Троя, глянуть ближе, не большей окажется... Так себе городишко был. Вроде нашего райцентра. Но чистенький видать и культурный»; «Думается, главный виновник наших представлений о величии Эллады – Гомер... большой фантазер»⁵⁴.

Сведения об авторе: Зайнуллина Галина Инисовна, кандидат искусствоведения, литературный консультант секции русскоязычной литературы и художественного перевода Союза писателей РТ, г. Казань, Россия, e-mail: saga_g@inbox.ru.

Аннотация. В статье анализируется сборник новелл С.И. Ефремова «Севастопольская тетрадь». Тексты новелл сравниваются с «Севастопольскими рассказами» Л.Н. Толстого, что позволяет выявить новаторство С.И. Ефремова в художественном осмыслении обороны Севастополя периода Великой Отечественной войны. Он создает мифопоэтическое пространство, сакральность которого от новеллы к новелле нарастает благодаря одушевлению природы, незримому присутствию душ великих предков, переводу военно-политического конфликта во временное противостояние добра и зла, приданию монументальной цельности персонажам, доходящей в последней новелле до обожествления простого русского воина.

Ключевые слова: Сергей Ефремов, Лев Толстой, мифопоэтическое пространство, севастопольский текст.

Abstract. The article analyzes the collection of short stories by S.I. Efremov, «Sevastopol notebook». The texts of the short stories are compared with the «Sevastopol Stories» by L.N. Tolstoy, which makes it possible to identify the innovation of S.I. Efremov in the artistic interpretation of the defense of Sevastopol at the beginning of the Great Patriotic War. He creates a mythopoetic space, the sacredness of which increases from novel to novel thanks to the animation of nature, the invisible presence of the souls of great ancestors, the translation of military-political conflict into a temporary confrontation between Good and Evil, giving monumental integrity to the characters, reaching in the last novel to the deification of a simple Russian warrior.

Key words: Sergey Efremov, Leo Tolstoy, mythopoetic space, Sevastopol text.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 Миленко В.Д. Преподавание литературного краеведения: севастопольский опыт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vika-milenko.narod.ru/index/literaturnoe_sevastopolevedenie/0-71 (дата обращения: 27.11.2022 г.).

2 Там же.

3 Курицын В.Н. Лев Толстой. Севастопольские рассказы. О чем эта книга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://polka.academy/articles/541?block=2259> (дата обращения: 27.11.2022 г.).

4 Ефремов С.И. Севастопольская тетрадь. – Казань: Таткнигоиздат, 1967. – С. 53.

5 Дзыга Я.О. Война в настоящем ее выражении. Трагедия войны в Севастопольских рассказах Л.Н. Толстого и Суровых днях И.С. Шмелева. Статья. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voyna-v-nastoyaschem-ee-vyrazhenii-tragediya-voyny-v-sevastopolskih-rasskazah-l-n-tolstogo-i-surovyh-dnyah-i-s-shmeleva/viewer> (дата обращения: 27.11.2022 г.).

6 Ефремов С.И. Севастопольская тетрадь. – Казань: Таткнигоиздат, 1967. – С. 59.

7 Там же. – С. 47.

8 Там же. – С. 20.

- 9 Там же. – С. 59.
- 10 Там же. – С. 56.
- 11 Толстой Л.Н. Повести и рассказы. – М.: «Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1994. – С. 40.
- 12 Там же. – С. 58.
- 13 Там же. – С. 12.
- 14 Ефремов С.И. Севастопольская тетрадь. – Казань: Таткнигоиздат, 1967. – С. 26.
- 15 Там же. – С. 69.
- 16 Там же. – С. 45.
- 17 Там же. – С. 74.
- 18 Курицын В.Н. Лев Толстой. Севастопольские рассказы. О чем эта книга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://polka.academy/articles/541?block=2259> (дата обращения: 27.11.2022 г.).
- 19 Толстой Л.Н. Повести и рассказы. – М.: «Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1994. – С. 58.
- 20 Ефремов С.И. Севастопольская тетрадь. – Казань: Таткнигоиздат, 1967. – С. 32.
- 21 Там же. – С. 45.
- 22 Там же. – С. 38.
- 23 Там же. – С. 66.
- 24 Там же. – С. 68.
- 25 Там же. – С. 63.
- 26 Там же. – С. 24.
- 27 Там же. – С. 39.
- 28 Там же. – С. 45.
- 29 Курицын В.Н. Лев Толстой. Севастопольские рассказы. О чем эта книга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://polka.academy/articles/541?block=2259> (дата обращения: 27.11.2022 г.).
- 30 Ефремов С.И. Севастопольская тетрадь. – Казань: Таткнигоиздат, 1967. – С. 81.
- 31 Там же. – С. 87.
- 32 Там же. – С. 86.
- 33 Там же. – С. 87.
- 34 Там же.
- 35 Там же. – С. 23.
- 36 Курицын В.Н. Лев Толстой. Севастопольские рассказы. О чем эта книга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://polka.academy/articles/541?block=2259> (дата обращения: 27.11.2022 г.).
- 37 Там же.
- 38 Ефремов С.И. Севастопольская тетрадь. – Казань: Таткнигоиздат, 1967. – С. 52.
- 39 Там же. – С. 67.
- 40 Курицын В.Н. Лев Толстой. Севастопольские рассказы. О чем эта книга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://polka.academy/articles/541?block=2259> (дата обращения: 27.11.2022 г.).
- 41 Ефремов С.И. Севастопольская тетрадь. – Казань: Таткнигоиздат, 1967. – С. 60.
- 42 Там же. – С. 10.
- 43 Там же. – С. 14.
- 44 Там же. – С. 31.
- 45 Там же. – С. 75.
- 46 Там же. – С. 78.
- 47 Толстой Л.Н. Повести и рассказы. – М.: «Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1994. – С. 33.
- 48 Ефремов С.И. Севастопольская тетрадь. – Казань: Таткнигоиздат, 1967. – С. 77.
- 49 Там же. – С. 34.
- 50 Там же. – С. 49.
- 51 Там же. – С. 14.
- 52 Толстой Л.Н. Повести и рассказы. – М.: «Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1994. – С. 95.
- 53 Ефремов С.И. Севастопольская тетрадь. – Казань: Таткнигоиздат, 1967. – С. 61.
- 54 Там же. – С. 86–87.